

А. В. Короленков

ГАЙ МАРИЙ
МЕЧ РИМА

Санкт-Петербург
2024

ББК 63.3(0)32
УДК 94(37).05
К68

Короленков А. В.

К68 Гай Марий: меч Рима. — СПб.: Евразия, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-8071-0627-8

В книге рассказывается о жизни и деятельности крупнейшего римского полководца и политика эпохи Республики Гая Мария. Яркий пример нового человека — выходец из италийского городка Арпина, он сделал блестящую карьеру, стал национальным героем, кумиром сограждан, шестикратным консулом, дважды триумфатором, но затем оказался в числе зачинщиков первой гражданской войны, в которой после первоначального поражения и бегства вновь добился победы. Первым из римлян в седьмой раз стал консулом, но уже не на честных выборах, а после кровавой смуты. Марий умер на вершине могущества, оставив современникам и потомкам неразрешенной загадку: одолел ли бы он Суллу, если бы скрестил с ним оружие?

© Короленков А. В., 2024
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2024

ISBN 978-5-8071-0627-8

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Начало пути	9
Нумидия. Первый консулат	45
На вершине славы: победа над германцами	89
Шестой консулат	155
90-е годы	182
Союзническая война	208
От триумфа к бегству	223
Скитания	237
Возвращение	249
Кровавый апофеоз	263
Заключение	281
Список сокращений	285
Краткая библиография	286

Введение

Гай Марий известен широкой публике куда меньше, чем Цезарь и Цицерон. В отличие от Суллы и Цезаря, он не написал мемуаров. Но всякий, кто интересовался историей Рима, о нем, конечно, слышал — немного в римской истории было полководцев столь прославленных, сколь Марий, победитель Югурты, тевтонов и кимвров, дважды триумфатор и семь раз консул, человек отнюдь не самого знатного происхождения, добившийся уважения, которого достигали лишь немногие нобили. Но если продолжить, то он же и один из зачинщиков римской смуты наряду с Суллой, получивший седьмое консульство по праву победителя. Его имя античные авторы неизменно связывали с убийствами «лучших людей», «светочей» Рима, которыми он ознаменовал свой успех в гражданской войне. Некоторые античные писатели, а вслед за ними и многие современные ученые утверждали, будто именно Марий, начав брать в армию неимущих, превратил ее в организацию, чьи интересы теперь не были связаны с интересами Рима, что и привело во многом к возникновению смуты. Заодно ненавистники полководца пытались представить

8 его победы как плод усилий совсем других людей, которые он лишь приписал себе. И все же никаким недоброжелателям или просто невеждам не удалось лишить Мария ореола народного героя, чье имя золотыми буквами вписано в историю римских побед.

Рассказать о Марии не так просто, поскольку сведений о нем сохранилось не столь уж много. Мы знаем лишь об отдельных, хотя и самых важных эпизодах его жизни, да и то относящихся к последним двум ее десятилетиям. Кроме того, почти все источники о нем созданы отнюдь не его современниками, и в большинстве своем они вовсе не благосклонны к нему. Даже Плутарх, стремившийся к идеализации своих героев, на сей раз этому правилу почти не следует, сплошь и рядом предпочитая откровенные наветы в адрес Мария объективному изложению. Впрочем, это делает изучение его жизни только интереснее. Постараемся восстановить ее шаг за шагом, насколько это позволяют нам наши скудные источники, и понять, какую роль играл Гай Марий в римской истории. Зачастую это будет не обычное повествование, а размышления по поводу того, что сообщают нам античные источники, поскольку простой пересказ их во многих случаях невозможен даже в рамках одного эпизода. Но зато и выводы, как мы надеемся, окажутся более обоснованными. Насколько — судить читателю.

Автор выражает признательность к. и. н. Вячеславу Константиновичу Хрусталёву (Санкт-Петербург), чьи полезные консультации весьма помогли в написании книги.

Начало пути

Вряд ли еще какой малый город Италии дал миру двух столь знаменитых римлян, как Арпин, родина Гая Мария и Марка Туллия Цицерона. Причуда судьбы: один воплощал собой военную славу Рима, другой — интеллектуальную. Обоих в литературе называют арпинатами, что стало своего рода синонимами их имен.

Арпин (ныне Арпино), городок в Лации, знаменит своими древними («циклопическими») стенами VIII–VII в., весьма напоминающими тиринфские. Сохранились и древние валы. Учитывая положение города на высотах, место для крепости превосходное. Однако это не помешало римлянам в конце IV в. до н. э., в ходе так называемой Второй Самнитской войны покорить его. Почти сразу жители Арпина получили *civitas sine suffragio* — римское гражданство без права участвовать в голосовании в римском народном собрании (комициях) и лишь в 188 г. им даровали и это право. Однако пока городом управлял присылавшийся из Рима префект, и только со времен Союзнической войны Арпин стал муниципием, т. е. общиной римских граждан с самоуправлением.

10 Важную роль в городе играли фамилии Гратидиев, Туллиев Цицеронов, Мариев. Естественно, они роднились между собой – так, дед Цицерона-оратора был женат на Гратидии, а ее брат – на сестре Мария, героя этой книги. Брат последнего усыновил одного из Гратидиев, Марка, который стал именоваться Марием Гратидианом. О нем еще пойдет речь.

Гай Марий, как считается, родился ок. 157 г. В античной традиции любили сгущать краски по поводу его происхождения. Плутарх писал, что «родители Мария были люди совсем не знатные, бедные, добывавшие пропитание собственным трудом» (Mar. 3.1). По Тациту, будущий полководец был родом «из низов плебса» (Hist. II. 38.1). Плиний Старший и вовсе называл его «арпинским пахарем» (NH. XXXIII. 150). Здесь можно усмотреть следы как враждебной, так и дружественной Марию пропаганды – он едва ли не из простонародья, говорили недруги, друзья же подчеркивали скромность образа жизни, сблизившую его с древними героями – Луцию Квинкцию Цинциннату, согласно легенде, вручили знаки диктаторской власти, когда он работал в поле (Liv. III. 26.9). Но вряд ли Марий сам шел за плугом – Веллей Патеркул (II. 11.1) прямо пишет, что арпинат принадлежал к всадническому сословию (*ordo equester*), да это очевидно и само по себе, иначе он не стал бы позднее военным трибуном и уж тем более консулом, так как по обычаю такие должности были привилегией всадников. А их минимальное состояние (в императорскую эпоху 400 тысяч сестерциев) отнюдь не требовало добывать пропитание собственным трудом.

Отца и деда будущего полководца звали так же, как и его самого, Гаем Марием¹, а мать — Фульцинией (Plut. Mar. 3.1). Еще Плутарх (Mar. 1) отмечал, что у нашего героя было только два имени, личное и родовое (praenomen и nomen), но не фамильное (cognomen). Впрочем, удивляться этому не приходится, поскольку в те времена когномены носили преимущественно представители римской знати — нобилитета, к числу которых Марий не принадлежал. «Марий» было не только родовым, но и личным именем в Центральной и Южной Италии и имеет параллель с оскским именем Марас².

«Марий поздно попал в город и узнал городскую жизнь, а до того у себя, в Арпинской земле, в деревне Цереаты, он жил, не ведая городской утонченности, просто, но зато целомудренно, воспитываясь так, как римские юноши в старину», — пишет Плутарх (Mar. 3.1)³. Саллюстий пишет, что Марий не изучал греческой словесности (Iug. 63.3; 85.32), знание которой было для верхушки общества чем-то вроде владения французским для дворян XIX в. Валерий Максим даже хвалит его за это, ибо тем самым Марий не изменил обычаям предков (II. 2.3). Поэтому о нем даже в XX в. иногда писали как о человеке почти без образования⁴, но вряд ли основательно. Прежде всего следует

¹ CIL X. 5782; *Van Ooteghem J. Caius Marius. Bruxelles, 1964. P. 56.*

² *Santangelo F. Marius. L.; N. Y., 2016. P. 7.*

³ Здесь и далее пер. С. А. Ошерова, в некоторых случаях с поправками.

⁴ *Gwynn A. O. Roman Education from Cicero to Quintilian. Oxford, 1926. P. 59–60.*

12 иметь в виду, что мода на греческий была популярна собственно в Риме, однако в городах Лация она прививалась куда медленнее. Гратидий, чьего сына впоследствии усыновит Марий, правда, хорошо знал эллинскую словесность (Cic. Brut. 168), но зато дед Цицерона говорил: кто лучше всего знает греческий, тот и наибольший негодяй (Cic. De orat. II. 265). Что же касается будущего полководца, то он, очевидно, получил традиционное для его среды воспитание⁵. Античные авторы уверяют, что Марий был сведущ в истории и некоторых вопросах права (Cic. Balb. 46–47), хорошо разбирался в предзнаменованиях (Val. Max. I. 5.5). Не вызывает сомнений, что он усердно упражнялся в верховой езде и обращении с оружием. Вполне возможно, имел представление и о языке эллинов, другое дело, что знал его, по-видимому, посредственно, а позднее демонстрировал свое презрение к грекам и всему греческому из политических соображений — ведь и Катон Старший в свое время поносил «гречишек», но их язык в конце концов учить начал.

Сомнительно также сообщение Плутарха, будто Марий не отличался красноречием и робел перед толпой в народном собрании (Mar. 6.3; 28.2–4)⁶. Ему не раз придется произносить речи, и вряд ли он сделал бы столь блестящую карьеру, если бы не умел производить впечатление на слушателей.

⁵ См. *Carney T. F. A Biography of Marius*. Assen, 1961. P. 9–14.

⁶ Вслед за ним Т. Моммзен повторит: Марий «не умел выступать как оратор» (*Моммзен Т. История Рима*. Т. II. СПб., 1994. С. 142).

Вопрос лишь в том, получил ли Марий риторическую подготовку или пользовался только тем, что дала ему природа. Рассуждения о робости перед толпой и вовсе не стоит воспринимать всерьез. В любом случае вряд ли он был плохим оратором.

Тем временем юность пролетела, и Марий сменил детскую тогу-претексту на мужскую (*toga virilis*), а затем надел и военный плащ (*sagum*). Однако о Марии мы впервые узнаем, когда он оказался под стенами Нуманции – города кельтиберского племени ареваков в Центральной Испании, стоявшего на р. Дурий (ныне Дуэро). Плутарх уверяет, будто именно здесь и начал свой ратный путь Марий (Мар. 3.2). Однако вполне возможно, что это была лишь первая кампания, где тот отличился. Ведь обычно молодые люди шли в армию в 17–18 лет, Марию же в то время было уже никак не меньше 23, и вряд ли он с его честолюбием так долго избегал военной службы. Это дает основания полагать, что арпинат начал служить на несколько лет раньше, и если речь шла об Испании, то весьма вероятно, что первым его начальником был консул 141 г. Квинт Помпей, неудачно воевавший с кельтиберами в 141–140 гг.⁷

Не лучше показали себя и преемники Помпея. В 137 г. ареваки заставили сдаться армию консула Гая Гостилия Манцина и дали ей уйти при условии, что она покинет Испанию. Сенат не признал этот договор и выдал Манцина нумантинцам, но те не приняли его – ведь они отпустили целую армию, а им в возмещение предлагают выместить гнев

⁷ *Evans R. J. Gaius Marius: A Political Biography. Pretoria, 1994. P. 27.*

14 на одном консуле, который невольно оказался разрушителем своего слова. Но и после этого боевые действия шли для римлян не слишком удачно. Тогда они избрали консулом на 134 г. разрушителя Карфагена Публия Корнелия Сципиона Эмилиана, хотя он уже прежде занимал эту должность, а переизбрание на нее с середины II в. запрещалось. Сципион навел порядок, изгнав из лагеря торговцев, прорицателей, проституток и прочих посторонних, и занялся тренировкой воинов. Античные авторы явно сгущают краски, с удовольствием описывая, как он «сражался» с собственной армией, но никаких сведений о недовольстве и тем более сопротивлении солдат нет — вероятно, они сами устали от беспорядка и бесконечных неудач и с пониманием отнеслись к действиям сурового, но знавшего дело Сципиона. Он, например, нередко приказывал им нести часть поклажи, снимая ее с мулов, но порой во время маршей всадникам приходилось уступать лошадей больным воинам. Сципион был неумолим, того же он требовал не только от воинов, но и от офицеров из своей свиты, которые не раз выслушивали его насмешки за изнеженность. Он совершил несколько походов в окрестности Нуманции и лишил ее всякой помощи извне, а затем его воины, усердно работая, соорудили многочисленные осадные укрепления вокруг города, полностью блокировав его.

«От полководца не укрылось, что Марий превосходит прочих молодых людей мужеством и легко переносит перемену в образе жизни, к которой Сципион принуждал испорченных роскошью и наслаждениями воинов. Рассказывают, что он на глазах полководца сразил врага, с которым

сошелся один на один» (Plut. Mar. 3. 2–4). В памяти победителя Карфагена это должно было вызвать воспоминания о собственной молодости, когда он, будучи военным трибуном, точно так же одолел в 151 г. в поединке испанского воина близ города Интеркати. Но Плутарх рассказывает и другую историю: «Сципион во время осады Нуманции решил проверить, как его солдаты привели в порядок и подготовили не только свое оружие и коней, но и повозки и мулов. Тогда Марий вывел отлично откормленную лошадь и мула, превосходившего всех своей крепостью, силой и послушным нравом. Полководцу так понравились животные, что он часто вспоминал о них» (Mar. 13. 2). Удивляться не приходится — в своем роде это было труднее, чем одолеть в поединке врага, ибо требовало прилежания, внимательности, трудолюбия, которых многим товарищам Мария по оружию явно недоставало. И потому не так уж неправдоподобна история, которую, если верить Валерию Максиму (VIII. 15. 7), любил рассказывать сам арпинат: «Однажды, когда на пиру зашла речь о полководцах и кто-то из присутствующих, то ли вправду, то ли желая сказать приятное Сципиону, спросил, будет ли еще когда-нибудь у римского народа такой же, как и он, вождь и защитник, Сципион, хлопнув лежавшего рядом с ним Мария по плечу, ответил: „Будет, и, может быть, даже он“» (Plut. Mar. 3. 4).

Но как совсем еще молодой воин оказался на пиру у командующего? Конечно, можно это считать знаком особой милости, особенно если учесть слова Плутарха (loc. cit.), что Сципион «заметно отличал» арпината. Однако дело, думается, в другом: обычно люди его положения начинали воинскую

16 службу кем-то вроде ординарцев — контуберналов, которые жили в одной палатке или помещении с полководцем, а потому неудивительно, что и трапезничали они зачастую вместе⁸.

В ставке Сципиона Эмилиана было немало известных людей или таких, которые таковыми стали впоследствии — знаменитый греческий историк Полибий; поэт Луцилий; будущий трибун-реформатор Гай Семпроний Гракх; консул 122 г. анналист Гай Фанний; консул 113 г. и цензор 102 г. Гай Цецилий Метелл Капрарий; консул 105 г., писатель и юрист Публий Рутилий Руф; историограф Публий Семпроний Азеллион; нумидийский царевич Югурта и многие другие. Но у нас нет сведений, что с кем-то у них у него возникли тесные отношения, зато иные со временем станут его врагами. Возможно, конечно, что он с кем-то подружился, но эти люди умерли или отошли от политики до того, как арпинат успел по-настоящему заявить о себе.

Сципион Эмилиан так и не бросил свою армию в бой с нумантинцами, которого жаждали, не раз предлагая римлянам сразиться — то ли он не считал ее достаточно готовой, то ли просто не считал нужным проливать кровь воинов, поскольку блокада и так делала свое дело. Все ограничилось отражением отчаянных вылазок врага. Можно ли считать такое поведение необычным? Ведь успех в открытом бою у римлян (да и не у них одних) ценился куда выше, чем удушение врага голодом. Имя его приемного деда было связано с победой над Ганнибалом при Заме, отца — с разгромом

⁸ См. *Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Die Nobilität der Kaiserzeit. Stuttgart, 1983. S. 109. Anm. 7*

Персея, царя Македонии, при Пидне, сам же он ничем подобным похвастаться не мог. Но к середине II в. времена изменились, и один из завоевателей Эллады Луций Муммий получил почетное прозвище (агномен) Ахейского, не разбив греков в генеральном сражении. Да и Децима Юния Брута почтили агноменом Галлекийского за поход в северо-западную Испанию, хотя он ее и не покорил, а лишь показал местным племенам силу римлян.

В 133 г. Нуманция наконец пала — ее защитники, измученные голодом, открыли ворота. Многие покончили с собой накануне капитуляции, предпочтя смерть плену. Город был разрушен еще до того, как в римский лагерь привезли послание с таким же решением сената — Сципион хотел продемонстрировать испанским племенам, чем грозит сопротивление Риму. Однако триумф его отнюдь не был «великолепнейшим», как то утверждал Валерий Максим (II. 7.1) — в нем провели всего лишь 50 пленных кельтиберов (App. Hisp. 98. 424), про богатства, внесенные в казну, источники не сообщают ничего, а простым воинам раздали лишь 7 (!) денариев (Plin. NH. XXXIII. 141). И вряд ли виною тому была скупость или высокомерие полководца — скорее всего, истощенная войной Нуманция принесла победителям совсем немного добычи.

Можно полагать, что испанские походы многому научили Мария. Он не просто увидел войну своими глазами, столкнулся с врагом лицом к лицу, получил свои первые награды. Арпинат наверняка усваивал уроки обращения с войском и стратегии не прямых действий, с помощью которых Сципион брал врага в кольцо, а не сокрушал лобовым

18 ударом. Многое из этого мы увидим, когда речь пойдет о его собственных операциях.

О том, что делал Марий в первые годы после Нумантинской войны, мы не знаем. Как пишет Саллюстий (Iug. 63. 4), в Риме арпината никто не знал в лицо, но слава его подвигов была такова, что все трибы охотно проголосовали за него во время выборов военных трибунов. Хотя эта должность не давала права на вхождение в сенат, именно с нее начинали карьеру многие сенаторы (*patres*). Вопрос в том, когда именно Марий стал военным трибуном. Датировки предлагаются разные, обычно речь идет о 120-х гг. Думается, однако, что он мог достичь его гораздо раньше, по возвращении в Рим после Нумантинской войны⁹, арпинат как раз достиг 25-летнего возраста. Читая Саллюстия, можно подуматься, будто стоустая молва о подвигах Мария летела впереди него, но прямо он так не говорит. В то же время понятно, что если бы о нем в Городе не знали, его не избрали бы военным трибуном. Однако этого было недостаточно — неизвестному арпинату требовалась поддержка кого-то из влиятельных лиц. Не вызывает сомнений, что таковые нашлись, кто-то из них и рассказал на сходке перед выборами о его подвигах. Был ли это сам Сципион Эмилиан? На сей счет можно только гадать¹⁰.

⁹ См. *Evans R. J. Op. cit.* P. 29–30, 50.

¹⁰ Кстати сказать, Саллюстий, рассказывая о ранней карьере Мария, молчит о поддержке Мария нобилиями, явно изображая из него «стопроцентного *self-made man*» (*Werner V. Quantum bello optimus, tantum pace pessimus. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung.* Bonn, 1995. S. 26–27).